

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

В оформлении книги использован шрифт «Клементина»
© «Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80   Мой генерал : [роман] / Татьяна Устинова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Татьяна Устинова.
Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-84571-2

Молодая московская профессорша Марина приезжает на отдых в санаторий на Волге. Она мечтает о приключении, лучше всего детективном, на худой конец, сойдет и романтическое. И получает все в первый же день в одном флаконе. Ветер унес ее шляпу на пруд. Вытаскивая ее, Марина увидела в воде утопленника. Милиция сочла это несчастным случаем. Но Марина уверена — это убийство. Она заметила одну странную деталь... Но вот с кем поделиться? Она рассказывает свою тайну Федору Тучкову, которого поначалу сочла весьма подозрительным типом, а уже на следующий день он стал ее напарником. Назревает курортный роман, чему она изо всех профессорских сил сопротивляется. Но тут гибнет еще один отдыхающий, знавший какую-то тайну об утопленнике. Марине ничего не остается, как опять довериться Тучкову, тем более что выяснилось: он — профессионал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-84571-2

От любопытства кошка сдохла!

П. Трэверс, «Мэри Поппинс»

— Простите, пожалуйста, — раздалось прямо у нее над головой, — вы не видели где-нибудь здесь... кошку?

Марина открыла глаза.

Прямо перед ней был желтый песок, а за песком серый пруд, блестящий сальным блеском. Щурясь, она некоторое время изучала колышущийся блеск, а потом снова смежила веки.

Господи, приснится же такая ерунда!..

— ...не видели? Кошку? — повторил голос с надеждой.

Она подскочила на нагретой лавочке так, что нелепая шляпа из итальянской соломки съехала ей на нос.

— Что?! Какая кошка?! Где кошка?!

— Не знаю, — признался бестелесный голос, — какая-нибудь кошка. Любая. Не видели?

Марина стремительно задрала глупую шляпу, села прямо и посмотрела сначала налево, а потом направо.

Слева были заросли каких-то ломких и длинных стеблей, уходивших в темную воду. В глубине стеблей на берегу голубела еще одна лавочка — пустая.

Справа рос камыш, за ним находился газон, потом асфальт, а дальше сетка теннисного корта — довольно далеко.

Не иначе, как она перегрелась. Вот оно, коварное солнце средней полосы.

— Я ее угостить хотел, — вновь донесся голос. Теперь он звучал виновато. — А найти не могу... Вы не видели?

Господи боже мой!

Оказалось, что он стоит прямо перед ней. Марина уставилась на нелепейшую, чудовищную пестроцветную гавайскую рубаху. Кажется, под ней скрывалось сытенное круглое брюшко.

— Я вас разбудил, — внезапно догадался обладатель брюшка и сказочной рубахи, — простите. Я думал, может, вы видели где-нибудь кошку.

— Какую еще кошку? — раздраженно пробормотала Марина. Ни рубаха с цветами, ни тем более круглое брюшко не вызывали у нее никаких положительных эмоций.

— Обыкновенную. В домах отдыха, знаете ли, всегда живут кошки. Их тут подкармливают, и они живут.

— Ну и что?

— Ничего, — смешавшись, сказал «гаваец», — я хотел ее угостить. Я вот... рыбки наловил.

И в доказательство, что действительно наловил, потряс у нее перед носом пластмассовым детским ведерком, в котором плюхала вода и что-то шевелилось.

Марине немедленно показалось, что в воздухе невыносимо завоняло рыбой.

— Послушайте, — начала она, отпихивая рукой ведерко, — никаких кошек я не видела. По-моему, ловить этих несчастных мальков — дикость и варварство.

— Разве? — усомнился он. — А по-моему, ничего. Я же не глушу их динамитом.

На это поразительное замечание Марина ничего не ответила, отвернулась и зашарила в сумке, давая понять собеседнику, что аудиенция окончена.

Однако настырный «гаваец» все не отставал.

— А в корпусе, — с надеждой спросил он, — не видели?

— Что?

— Кошку.

Сигареты нашлись, а зажигалка никак не попадалась. В руку лезли темные очки, кошелек, холодный тюбик с кремом, пачка салфеток, а зажигалка как сквозь землю провалилась! Марина достала очки, быстро нацепила их на нос — как будто загородилась и от брюшка, и от рубахи.

— Что вы ищете? — заинтересованно спросил брюхастый.

Марина покосилась на ведро с рыбой:

— Зажигалку.

— Позвольте вам предложить.

Он, черт возьми, еще и галантен!..

— Предложите, — мрачно согласилась Марина.

Тут он почему-то сказал:

— Предлагаю. — И перед носом у нее оказалась пластмассовая желтая зажигалка с болтающейся внутри бесцветной жидкостью. Из зажигалки с шипением выметнулось пламя — вполне достаточное, чтобы вскипятить немного кофе.

Марина отшатнулась — ей показалось, что она отчетливо слышит запах паленой шерсти, своей собственной.

— Простите, — забормотал «гаваец» и суетливо задул огонь, — эти дурацкие зажигалки, никогда не знаешь, чего от них ждать...

И даже лоб вытер от неловкости. Марина смотрела на него с отвращением. С незажженной сигаретой во рту она чувствовала себя идиоткой.

Галантный «гавайский» мужчина покрутил пластмассовое чудо так и сяк, почиркал колесиком, добился устойчивого пламени подходящего размера и сунул к Марининой сигарете.

Она прикурила и отвернулась.

Он все не уходил, топтался, в ведре плюхали страдальцы-мальки.

Тут она заподозрила неладное.

...Или он вознамерился, не сходя с этого места, завести с ней романтическое знакомство на все двенадцать отпускных дней?! Если так, она пропала!.. И отдых пропал, и долгожданное одиночество, и вообще все, все пропало!

И, словно подтверждая ее мысли, галантный мужчина предложил искательным тоном:

— Давайте познакомимся? Меня зовут...

— Да не станем мы знакомиться! — вспылила Марина. — Зачем нам знакомиться-то?!

Тут он неожиданно засмеялся — искренне и с удовольствием, как ей показалось.

— Так принято, — объяснил он и вдруг пристроился со своим ведром на лавочку рядом с ней. — Вы не знали? Когда незнакомые люди встречаются и разговаривают друг с другом, принято представляться. Меня зовут...

— Послушайте, — перебила его Марина и потянула к себе свою сумку, — я не хочу знакомиться и не хочу никому представляться. Я очень устала, и кроме того...

— Где все-таки мне найти кошку? — задумчиво спросил он сам у себя, не дослушав ее излияний. — Может, на кухне спросить? Прошу прощения...

Тут он поднялся, слегка поклонился в Маринину сторону — вежливый! — посмотрел в свое ведро и пошел направо, туда, где был газон и виднелась сетка теннисного корта.

— Придунок!.. — пробормотала Марина, задетая тем, что он не стал настаивать на «романтическом знакомстве» и предпочел отправиться на поиски кошки.

Или ему на самом деле нужна была кошка, а вовсе не она, Марина? И еще эта идиотская шляпа из итальянской соломки, которую мама зачем-то водрузила ей на голову и все караулила, чтобы дочь не скинула ее потихоньку! Шляпа никуда не помещалась, запихнуть ее в чемодан можно было, только сломав пополам, и Марина всю дорогу маялась, пристраивала шляпу то туда, то сюда, то еще куда-нибудь, забывала, вспоминала, возвращалась, хватала, напяливала на голову, несла под мышкой, размещала на полке, ловила, держала и так далее.

Должно быть, в этой шляпе она выглядит просто сногшибательно — Фаина Раневская, кинофильм «Подкидыш».

«Гаваец» и тот убежал. Впрочем, «гавайца» она сама прогнала, этим можно утешаться и отчасти гордиться.

Она и гордится — разве затем она впервые за пять лет пошла в отпуск, чтобы с бухты-баракты под ракиновым кустом заводить никому не нужные знакомства с придурками в немислимых рубахах?!

У нее номер люкс, банка кофе, чемодан книг и любимая кружка в отдельном мешочке — что еще нужно старой холостячке, чтобы отлично провести давно заслуженный отпуск?!

Ничего. Больше не нужно ничего.

Только если... может быть... или нет... Приключение, вот что нужно!

Только не в смысле галантного расписного мужчины с пластмассовой зажигалкой и детским ведерком — такие «приключения» ей и даром не нужны. А «настоящее приключение» — чтобы произошло какое-нибудь ужасное событие, и она, Марина, оказалась бы в центре, эпицентре или черт знает где, в общем, поблизости, и чтобы зловещие тени сгустились на горизонте, а дом отдыха завалило бы снегом —

даром что июль! — совсем как в пьесе Джона Б. Пристли «Чисто английское убийство», а телефонная связь оборвалась, а под подушкой старшей горничной обнаружился бы странный пузырек темного стекла — горничная, конечно, уверяет, что это снотворное, но это подозрительно похоже на цианистый калий или мышьяк... да, пусть будет мышьяк — хорошее, глубоко «преступное» слово! — и чтоб полицейский капитан оказался поблизости, загорелый, самоуверенный, дьявольски умный, циничный, наблюдательный, острый, тонкий, мужественный и с пистолетом, засунутым за ремень выцветших и потертых джинсов — почему выцветшие и потертые джинсы считаются самой лучшей одеждой для главных героев?!

Марина захохотала во все горло, так что из куста выпорхнула какая-то птица, чирикнула и перелетела на ту сторону заросшего прудика.

Хохотать во все горло, сидя в одиночестве на лавочке, было неприлично, и она быстро зыркнула по сторонам — не видит ли кто, как уважаемая Марина Евгеньевна Корсунская себя ведет.

Никто не видел, хотя слева, в зарослях, на голубой скамейке уже восседала какая-то парочка. Размечтавшись о своем «приключении», Марина не заметила, когда парочка забралась в кусты. Впрочем, восседала девица, а молодой человек возлежал головой у нее на коленях и дурашливо щекотал девицын животик. Девица взвизгивала, молодой человек похатывал, все как положено.

Господи, какая смертная, непробиваемая, тупая скука, эти парочки с их пощекочиваниями, поглаживаниями, похрюкиваниями и взвизгами!

Как все это одинаково, пошло, глупо и, главное, кончается всегда одинаково — никчемное сосуществование, желание плюнуть в ненавистную рожу лю-

бимого или любимой, романы в конторе, романы на пляже, романы на даче, романы в доме отдыха, начинающиеся с кошки и пластмассового ведра, и «ты отравила мне всю жизнь!», и «слезь с дивана, придурок!», и никогда с нежной гордостью — «наш сын похож на тебя!».

Домашний ежедневный ад собственного сочинения, и так до самой могилы, за которой уж откроется настоящий, так сказать, общественный ад.

Говорят, что он вечный. Очень может быть.

Марина решительно водрузила на голову идиотскую шляпу — поля немедленно задрались, и пришлось двумя руками отгибать их вниз, — потянула сумку и постояла в нерешительности. До ужина было еще далеко, солнышко пригревало, и не хотелось тащиться в свой люкс, хоть там и кофе, и кружка, и книжка...

Под жидкими мостками, выдававшимися далеко в пруд, взволнованно квакали жирными голосами жабы — у них тоже в разгаре были «пощечочивания и поглаживания», — и Марина решила, что в отпуске она станет «юным натуралистом», будет вести наблюдение за жизнью жаб и лягушек. А почему нет?

На мостках сильно пахло тиной и рыбой, вода была черной, в глубине коричневой, но не мутной — видно, как со дна поднимаются и колыхаются водоросли. Некоторые дотягивались до поверхности, и в длинных травяных космах неподвижно сидели блестящие пучеглазые жабы, только шевелились их распластанные задние лапы.

Фу, гадость какая. Пожалуй, не станет она наблюдать за их жизнью.

Водомерки скользили по темной, как будто лакированной, воде, а в глубине, под жабами, ходили шустрые рыбки, настоящие рыбки, а вовсе не какие-то недоразвитые мальки.

И все равно, нечего их ловить!

Под мостками плюхала и переваливалась вода. Бесстрашная птичка порхнула на краешек и настороженно заскакала все ближе и ближе к Марине.

Может, ей наблюдать за птичками, а не за жабами? За птичками все же как-то приятнее.

Невесть откуда взявшийся теплый ветер взметнул подол длинного летнего платья а-ля «рюсс пейзаж», и пока Марина ловила и держала подол, подхватил проклятую шляпу, вывернул поля и...

Мама не переживет, мрачно думала Марина, глядя на свой головной убор, который романтически покачивался на водной глади примерно метрах в двух от мостков. Она притащила эту красотищу аж из самой Италии, а дочь не уберегла.

Однако не лезть же за ней... к жабам, которые настороженно смолкли, очевидно до глубины души пораженные размерами и красотой вновь прибывшего конкурента. Жабам было невдомек, что это итальянская соломка, «хэнд мейд» и все такое, а вовсе не немец-рекордсмен.

Интересно, соломка, хоть бы и итальянская, тонет, когда основательно намокнет? И как быстро она намокнет основательно?

Перепугав птичку, которую она вознамерилась было наблюдать, Марина вихрем промчалась по мосткам, выскочила на песок и полезла в кусты, искать подходящую палку.

Парочка на скамейке примолкла, как давешние жабы.

Палка нашлась. Она была очень длинной и какой-то слишком раскидистой и ветвистой, и тащить до воды ее пришлось волоком. В воде она стала еще тяжелее, и Марина, допятившись до края мостков, едва смогла приподнять ее и попыталась подгрести к себе чертову шляпу. Шляпа не давалась, итальянские

поля колыхались в воде, и дело продвигалось очень медленно.

— Эй, дамочка! — крикнули с берега. — Вы ее подцепляйте, подцепляйте, а то она у вас сейчас потонет!

Марина дернула плечом.

— Подошел бы и помог, — под нос себе пробормотала она. — Подцепляйте!..

Наконец шляпа приблизилась настолько, что до нее можно было дотянуться, и Марина выволокла на мостки все свои ветки и сучья — не бросать же в пруду полдерева! — оперлась рукой, нагнулась, вытянулась и добыла шляпу!

С романтических полей текла пахнувшая тиной вода. Шелковая подкладка отливала зеленью. К атласной ленте уже прилепился крошечный круглый слизняк. Марина скovyрнула его ногтем и потрясла сооружение, стряхивая воду.

Почему она не была твердой и непреклонной и позволила матери навязать ей эту шляпу?! Вот никогда ей не удастся быть твердой и непреклонной, как она ни старается, а потом из-за своей мягкотелости она попадает во всякого рода переделки!

Тут ей показалось, что вместе со шляпой с середины пруда подтянулось к мосткам что-то еще — там колыхалось нечто большое и... малопонятное.

Марина посмотрела. Действительно, что-то есть.

Она даже с сожалением оглянулась на свою палку, но орудовать ею снова не решилась, уверенная, что на этот раз палка непременно утащит ее в темную воду.

Держа шляпу на отлете, в вытянутой руке, Марина опять присела на корточки, зажав коленями юбку а-ля «рюсс пейзаж», вытянула шею и посмотрела в заросшую коричневой травой глубину.

Что-то такое там было, довольно большое.

Солнце мешало ей смотреть, и она приставила ладонь козырьком ко лбу. Блики остались по ту сторону козырька, а по эту оказалось как будто круглое темное окошко.

Из этого окошка, из-под темной воды прямо ей в лицо смотрел человек. Она видела только лицо — белое и волосы — темные.

Она даже не поняла, что он мертвый, только удивилась, зачем он забрался в лягушачий пруд, да еще лежит в глубине с открытыми глазами!

Волосы неторопливо колыхались вокруг головы вместе с травой, которая тоже колыхалась, наплывала на лицо, и тут Марина поняла, что это труп.

Там, в глубине, почти под мостками, лежит мертвое человеческое тело.

Она подалась назад, стиснула в кулаке шляпу. В груди и еще, кажется, в животе стало холодно, как будто она наглоталась снегом.

— Тише, — зачем-то сказала она себе и швырнула шляпу на мостки. Оперлась обеими руками о доски и снова заглянула в пруд.

Он был там, внизу.

Снег залепил горло.

Марина оглянулась и позвала громко, очень громко:

— Молодой человек!

В кустах завозились, потом притихли.

— Вы... меня?

— Здесь труп, — так же громко и отчетливо говорила Марина. — Вам, наверное, лучше сходить за помощью.

Опять возня, а потом отчетливое хихиканье.

— Тру-уп? — игриво переспросили из кустов. — Лягушки или карася?

Снег в горле быстро превращался в лед. Она не разрешала себе смотреть, боялась, что упадет в обморок, или забьется в истерике, или сделает еще что-

нибудь неприлично-дамское, но почему-то очень тянуло посмотреть. Перебирая руками, она заставила себя отодвинуться от края мостков, отвернуться, потому что ее пугало это желание, и тут со стороны кустов подошел весельчак, решившись все-таки глянуть на полоумную тетку — Марину — и на то, что ей там такое померещилось.

Следом за ним гарцевала девица, то и дело откидывая назад длинные пряди, как пить дать вымытые шампунем «Лореаль» — ведь я этого достойна».

То есть она достойна, девица.

— Вам бы лучше в теньке посидеть, — начал весельчак издали. Мостки заходили под его весом. — А то солнечный удар может хватить! Вот бабка моя всегда в огород платок повязывает и кофту с длинным рукавом надевает, потому что, когда в возрасте, человек не может...

Он наступил на ее шляпу, деловито нагнулся, поддергивая сзади джинсы, которые сползли, открывая полоску незагорелой кожи, а чуть пониже цветастую резинку наивно-семейных трусов.

— Ну чего там, Вадик? — страстным от любопытства голосом спросила девица и тоже ступила на мостки. — Чего там, а?

— Не ходите сюда, — приказала ей Марина сквозь лед в горле, — там подождите!

— Чего это я буду ждать? — оскорбилась девица. — Я что, права не имею?

Тут ее приятель вдруг оглушительно ахнул, взвизгнул почти, замахал рукой, сделал кенгуриный прыжок назад, чуть не упал и побежал — мостки затряслись.

— Вадик!

— Стойте! — крикнула Марина.

— Я... сейчас... я до корпуса... я... приведу кого-нибудь...

— Вадик, ты чего?!

Но Вадик уже пропал из виду.